

ГЕНРИ БАРС

КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ

КНИГА 1

Генри Барс

Ключевой элемент. Книга 1

«Издательские решения»

Барс Г.

Ключевой элемент. Книга 1 / Г. Барс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839241-2

Это первая книга остросюжетного фантастического романа о Дмитрие Леонове, банковском служащем, неожиданно получившем возможность перемещаться между параллельными мирами, попадающем в мир своей молодости — СССР 1991 года, а затем — в совершенно незнакомую реальность, мало связанную с основной исторической последовательностью. Увлекательные приключения главного героя, неожиданные повороты сюжета не оставят равнодушным даже самого взыскательного любителя фантастики.

ISBN 978-5-44-839241-2

© Барс Г.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Ясновидец	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ключевой элемент Книга 1

Генри Барс

© Генри Барс, 2017

ISBN 978-5-4483-9241-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все совпадения в данном произведении являются случайными.

Если Вам показались знакомыми некоторые герои, значит, Вам действительно всего лишь показалось.

Если Вы узнали страны, города, районы, улицы, дома, упомянутые здесь, поверьте, автор не имеет к этому никакого отношения.

Все события романа представляют собой чистейшую правду, более того, основаны они на фактах... правда, существующих сугубо в воображаемом мире автора.

Приятного чтения!

Часть 1. Ясновидец

Глава 1 Пионерлагерь

– В эфире «Пионерская зорька»! – раздался из радиоприемника опостылевший всем утренним радиослушателям голос, принадлежащий видимо какой-то очень жизнерадостной женщине средних лет, и заиграла до боли знакомая, невероятно соцреалистичная мелодия. «Слава богу, уже лето, – подумал Димка сквозь сон, – не надо никуда идти...» Эта радиопередача прочно ассоциировалась у него с утренним подъемом и предстоящим походом в школу. Солнечные лучи нещадно били сквозь чисто вымытое окно прямо Диме в лицо, отчего он моргал, жмурился и тёр глаза кулаками, вызывая негодование бабули – надо было, по её мнению, срочно вставать и идти умываться, а не грязь по лицу размазывать. Интенсивного автомобильного движения за окном ещё не наблюдалось, да и не представлял пока себе никто, что этот за зверь такой, и в комнату весело задувал прохладный свежий утренний воздух сквозь настежь раскрытую форточку и балкон.

Вчера Дима остался ночевать у бабушки. Он частенько так делал, потому что видел в этом массу преимуществ. Бабушка, например, кормила вкуснейшей жареной картошкой с луком и куриным мясом. Курица еще не исчезла из немногочисленных городских магазинов, хотя с продуктами в их маленьком провинциальном городишке уже становилось туговато. Готовила бабуля, конечно, не так вкусно, как мама, зато намного быстрее, что вполне устраивало Диму. А еще у нее было атласное ватное одеяло особенного ярко-малинового цвета, которым так приятно укрываться вечером перед сном. Димка часто лежал на нём, представлял себя летящим на ковре-самолёте и слушал бабушкины сказки. Он уже считал себя вполне взрослым, тем не менее, от сказок на ночь не отказывался, хотя ни за что на свете не признался бы в этом ни друзьям, ни своей подружке Лене. Бабуле редко удавалось рассказать вечернюю сказку до конца, потому что она неизменно начинала засыпать прямо по ходу своего повествования, и тогда волк, только что ловивший в проруби рыбу на собственный хвост, спешил на работу за забытой кофточкой или вдруг вспоминал, что завтра надо отдавать три рубля Лидочке – соседке. Дима поправлял бабушку, та вздрагивала, и её рассказ временно приходил в норму, но через пару мгновений она впадала в полусонное состояние снова. «Это не сказка, а просто сюрреализм какой-то», – без сомнения подумал бы Димка, но он пока ещё не знал этого слова по причине своего довольно юного возраста. Димины родители не возражали против таких ночевок. Они жили с сыном и младшей дочкой в крошечной, как конура, однокомнатной квартире, и, разрешая Диме ночевать у бабушки, получали редкую возможность хоть как-то перевести дух.

Отец уходил ни свет – ни заря, ему приходилось каждый день мотаться на работу через весь город. Мама вставала чуть позже, зато вечером она подрабатывала ещё и уборщицей в детском саду. Димкины родители мечтали накопить на «Жигули», старались сделать это раньше, чем подойдёт их очередь на приобретение автомобиля, чтобы не занимать деньги у бабушки с дедом. Машина долгое время оставалась для них пределом мечтаний, потому как поменять квартиру на более просторную казалось делом совершенно нереальным.

Короче говоря, тянулись самые обыкновенные серые будни позднего советского периода. Все было ни хорошо, ни плохо – нормально, как у других, и у всех всё одинаково. «Все жили вровень, скромно так, система коридорная, на тридцать восемь комнаток – всего одна уборная...», – как пел Владимир Семенович Высоцкий, правда, имея в виду несколько иное

время, хотя с тех пор не так уж и много изменилось в жизни простого советского человека. Многие понимали или бессознательно ощущали и серость подобной жизни, и окружающую всеобщую нищету, и отсутствие перспектив, ради которых стоило бы терпеть лишения, вкалывать на нудной работе, просто жить, но именно тот факт, что у всех остальных всё было точно также, приносил в эту невыносимую беспросветность трансцендентальное чувство правильности происходящего, давал успокоение душе и даже некое смутное удовлетворение.

– Начинаем утреннюю гимнастику! – не унималось радио.

– Дим! Вставай! – бабушка конечно уже не спала и что-то стряпала на кухне. – В лагерь опоздаешь!

«Точно, как же я мог забыть, вот ведь засада какая!..» – забились мысли в голове у Димы, и сон как рукой сняло.

Вчера вечером его мама, вернувшись с работы, сказала, что достала путевку в городской пионерский лагерь. А значит теперь целую смену – четыре недели – придется ходить в школу, только не учиться, а просто убивать время под присмотром воспитателей (тех же учителей) и вожатых (старшекласниц или, не дай бог, старшекласников). Надо будет целый летний месяц, который мог бы быть таким чудесным, каждое утро рано вставать и идти в школу, потом убирать школьную территорию или классы, участвовать в скучных надуманных конкурсах, которые в принципе не были нужны ни детям, ни воспитателям. И конечно никуда не денешься от самой страшной неприятности – тихого часа. С полвторого до трех дня предстоит обязательное нахождение в постели. Сон – не сон, но ты обязан тихо лежать с закрытыми глазами и никому не мешать. Ну разве может нормальный мальчишка одиннадцати лет отроду полтора часа в самый разгар летнего дня пролежать без движения или проспаться?! Димка в свои ранние годы уже подозревал взрослых в неискренности по многим вопросам, в частности по поводу тихого часа он думал, что таким образом взрослые мстят детям за их чрезмерное счастье в долгие летние каникулы. Эх, знал бы он, как взрослые завидуют в этот час детишкам, часто спрашивая себя, по какому такому недоразумению тихий час полагается тем, кто в нём совершенно не нуждается.

Каникулы откладывались и сокращались минимум на месяц, и от осознания этого факта на душе у мальчика становилось пусто и тоскливо. Но обижаться было не на кого и не за что, да и не приходило Димке в голову, что можно обидеться. Просто такова жизнь, и ничего с этим не поделаешь. Что толку обижаться на явление природы, время года или окружающий пейзаж? Есть у школьников летние каникулы, а отпуск у родителей будет зимой, потому что в прошлом году был летом. Вот мама и подсустилась, чтобы ребёнок дома не скучал, считая летний городской лагерь хотя бы частичной заменой поездке в Крым или Анапу. Ничего не изменишь, только ещё больше испортишь себе настроение и потратишь нервы – эту истину на подсознательном уровне чувствовали и Дима, и большинство его ровесников.

Поэтому Димка без лишних споров, собрав волю в свой детский кулачок, лёгким прыжком поднялся с постели, откинув любимое малиновое одеяло, и, прищурившись от яркого света, направился совершать обычные утренние процедуры. Потом надел белую майку с наклеенным с помощью утюга изображением гоночной машины, шорты цвета хаки, привезенные в прошлом году из Феодосии, где он отдыхал дикарём¹ вместе с дедушкой и бабушкой, и, нарочито ссутулившись, чтобы бабуля заметила, как ему грустно, побрёл на кухню.

Несмотря на то, что за окном всем улыбалось ясное летнее утро, на кухне было как-то темновато, и всё из-за грязно-зеленой строительной краски, которой были выкрашены на две трети своей высоты кухонные стены. Сделанный бабушкой в обеих комнатах квартиры ремонт, стал результатом долгих споров с дедом и почти с боем достигнутым компромиссом. «Тех,

¹ Отдыхать дикарём – т.е. без путевки. Дима с дедушкой и бабушкой ездили на юг на машине, жили там в палатке в пятидесяти метрах от пляжа вместе с сотнями других «дикарей».

кто делает ремонт, надо выселять из квартир, – говаривал дедушка. – Люди, которым нужны квартиры, вселяются в них и живут, как есть!» А вот кухню бабушке отвоевать не удалось, и осталась она в своем первозданном, строительном виде. В принципе, Дима давно привык к цвету кухонных стен, они на его памяти были такими всегда, но где-то в глубине души, он всё же чувствовал некоторую неправильность подобного кухонного дизайна. А после того как отец в один прекрасный день позволил себе прикрикнуть на деда, стукнув кулаком по косяку:

– Да поклей ты уже обои, наконец, перед соседями стыдно! – Димино чувство стало вполне осознанным.

«Это последствия сталинских времен, – говорила Диминая мама, – видимо наши старики до сих пор побаиваются покупать хорошие вещи, делать ремонт, чтобы ни в коем случае не выделяться из серой массы большинства!»

«Правильно! – говорил дед. – Придет какой-нибудь новоявленный народный контроль и спросит, откуда у вас мебель финская или станок токарный титановый, что отвечать будете? Вот тогда и постучите своими кулачищами, только не мне по стенам, а себе по голове! Вспомните мои слова, да поздно будет...»

Приготовленные бабушкой бутерброды с ароматной докторской обезжиренной колбасой уже ждали своего часа на тарелке, как и сваренные вкрутую яйца. Дима сел за стол, вплотную, по-деревенски приставленный к окну, пододвинул к себе еду и глянул на улицу. За окном сосед как всегда чинил свой старенький ушастый «Запорожец». На Диминой памяти заводился этот автомобильчик всего два раза: сосед объезжал вокруг дома и ставил машину на место. На следующий день «Запорожец» опять не заводился, и сосед продолжал привычный для всех жителей дома нескончаемый ремонт. Его голубая мечта была проста до абсурда: поменять свой ушастый «Запорожец» на новую модель, без «ушей», но с «жабрами» по бокам, что, кстати, он и осуществил через несколько лет, получив возможность продолжать бесконечно ремонтировать новое чудо отечественного автомобилестроения.

«Пионерская зорька» закончилась, и по радио принялись с привычным апломбом вещать о достижениях советской промышленности и сельского хозяйства, о небывалых успехах социализма, которых страна добилась под мудрым и чутким руководством коммунистической партии и генерального секретаря КПСС Константина Устиновича Черненко. Что-то еще говорили о зримых ростках коммунизма, пробивающих бетонные плиты загнивающего капитализма, духовой оркестр играл оптимистичные мелодии, но Дима уже не слушал. Радостный голос и бравая музыка из радиоприемника, как и непрекращающийся поток бабушкиных слов, давно стал для него привычным звуковым фоном, в чём-то даже создающим некое подобие уюта.

Бабуля повернулась к внуку и поставила на стол пиалу с мелко нашинкованным репчатым луком, вперемешку с солью, чёрным молотым перцем и подсолнечным маслом (витамины), и огромный бокал горячего чая с сахаром. Сахара насыпалось много, примерно на треть бокала, размешивать его по семейной традиции не полагалось. Бабушка пару раз «болтнула» ложечкой в ароматном напитке, и этим ограничилась. «Не в голодный год живем – ложкой-то по дну скрести! – по-доброму ворчала она. – Ешь лучок, ты мой внучок, бессоновский лук-то, самый полезный!» Дима откусил от бутерброда, глотнул приторного горячего чая, сказал «спасибо», встал из-за стола, пока бабушка его не остановила, и пошел в коридор. Не наклоняясь, он обулся в сандалии, быстро поцеловал подошедшую проводить его бабулю в щеку, вышел за дверь и направился в школу.

Дорога до школы обычно занимала у него не больше пяти минут, при этом можно было успеть засунуть предусмотрительно прихваченную с собой из дома круглую картофелину в выхлопную трубу припаркованного у подъезда автомобиля, побегать за живущей во дворе старой собакой, а потом от нее, погладить дремлющую на лавочке кошку и бросить пару камней в напрочь обнаглевших голубей. Но сегодня Димка просто шагал, не торопясь, вдоль домов, никого не трогая, – не то было настроение. И как медленно он ни шёл, школа никуда от этого,

к сожалению, не исчезла. Вот они, ворота в облупившейся синей краске, забор из железных погнутых прутьев. Он протопал еще несколько десятков шагов по асфальтовой дорожке, каждый из которых дополнительно портил настроение – не сильно, примерно как тройка за домашнее задание – мимо клумб, газонов, унылого квадратного кустарника. И вот Дима уже в школе. В холле, там, где обычно дежурные нажимают культовую кнопку, давая звонки на урок и перемену, стоял выдавший виды стол, за которым сидела Наташа, старшеклассница, и толпились несколько девчонок и мальчишек в пионерских галстуках – товарищей по несчастью.

– О, привет! – сказал невысокий паренек в синих спортивных штанах и белой футболке. Это был Санек, Димин одноклассник и хороший приятель. Они вместе одно время занимались спортом, ходили в бассейн, но быстро поняли, что плавание не для них. Тем не менее, за пару недолгих спортивных лет Саня показал себя на редкость упрямым, сильным и целеустремленным. За это его уважали и тренеры, и соперники, и друзья.

– Здорово! – кисло поприветствовал Димка своего друга.

Все было понятно без слов, ничего объяснять не требовалось. Сашины предки тоже не смогли взять отпуск и, не придумав ничего лучшего, отправили сына под присмотр учителей и вожатых, чтобы не болтался по дворам да по стройкам, почем зря. Что ни говори, а для Димки это была удача – будет в этом лагере хотя бы одно лицо, смотреть на которое можно без отвращения даже в школе, но и этот отрадный факт не мог улучшить Диминого настроения сейчас.

– Мальчик, подойди сюда, как тебя зовут? – конечно, Наташа не помнила или вообще не знала, как зовут четвероклассника, но Диму этот факт почему-то задел. «Тоже мне, звезда в красном галстуке!», – подумал он, подошел к столу, молча записал свою фамилию и имя, а также класс в конец длинного списка. Настроение не испортилось еще сильнее только потому, что дальше было просто некуда.

В этот момент зазвенел звонок, вызвав целый ворох острых и неприятных воспоминаний о недавних контрольных работах, диктантах, проверках домашних заданий. Это Санек перешел священным тумблер и мгновенно юркнул в сторону. Звонок оглушительно надрывался, поднялся гомон, дети засмеялись, забегали, заволновались. Наташа повернула выключатель в исходное положение, и наступила тишина. Дима быстро взглянул на неё и тут же отвёл глаза: Наташа показалась ему настолько яркой, далёкой и взрослой, что он вдруг пронзительно почувствовал себя очень маленьким и каким-то жалким. Что в принципе неудивительно и вполне естественно, ведь эта девушка являлась объектом смелых мечтаний не только всех без исключения старшеклассников, но и некоторых взрослых мужчин – учителей. Однако следует отдать ей должное, подобные фантазии оставались для всех фантазёров совершенно безнадежными, по крайней мере, даже пошлые слухи на этот счёт по школе не ходили.

– Ну вот, наконец-то, все в сборе! Сейчас поплотнее позавтракаем, а потом пойдем убирать территорию.

– Ну-у!!! Не-ет!!! Может не надо?!

– Надо, – отрезала Наташа, – зато, если быстро закончим уборку, будет время вдоволь поиграть перед тихим часом!

– В футбол? – Глаза Санька загорелись. Любые командные игры с мячом являлись его коньком, а футбол в особенности. Саня от рождения был очень быстрым и юрким, что делало его незаменимым в атаке. Когда мальчишки делились на команды, все, конечно же, пытались заполучить его к себе – присутствие Санька в команде практически всегда обеспечивало победу.

– Нет, не в футбол, давайте поиграем, например, в предсказание будущего. Это очень интересно!

«Ага, конечно, интересней некуда...», – снова расстроился встрепенувшийся было Дима, посмотрел на Саню, и им опять все стало ясно без слов.

– Ребята, обратите внимание, наш лагерь называется «Солнышко», а отряд «Энтузиасты», – продолжала информировать детей Наташа, – запомнили? Я ваша вожатая. Кто будет воспитателем, ещё не решили. Скорее всего, сегодня весь день с вами буду я одна.

– Сань, скажи, а почему летом школа называется «Солнышко», а все остальное время – номер 47? – спросил Димка вроде бы не громко, но достаточно для того, чтобы все услышали.

– А чтобы никто не догадался! – сказал Саня голосом Труса из известной комедии и нарочито подмигнул. При этом ни Дима, ни Саша и не подумали улыбнуться.

– Дошутесь вы у меня, сорванцы! – беззлобно одёрнула их вожатая.

На самом деле Дима очень обрадовался, что сегодня с ними не будет никого из учителей. Значит можно вести себя посвободнее, никто не станет лишний раз доставать нравоучениями.

Отряд гурьбой поднялся по лестнице в полупустую столовую, где уже были накрыты несколько столов. На завтрак предлагалась манная каша резиновой консистенции и какао с пенкой. Выбор блюд не вызвал у «Энтузиастов» ни малейшего энтузиазма. Димку давно интересовал вопрос: эти поварики дома тоже готовят так невкусно? Если да, то ему было искренне жаль их детей и мужей. А ведь все эти тётушки наверняка специально учились поварскому искусству в училищах или техникумах. Чему и как их там обучали – неизвестно. Вероятно, преподавание поварского мастерства велось по той же системе, что и изучение иностранных языков в советской школе – главное, чтобы ученики не дай бог не научились!

Есть почти никому не хотелось, большинство детей позавтракали дома. Все сидели тихо, разговаривали вполголоса: за первым столом завтракали воспитатели соседних отрядов, то бишь учителя. К чему нарываться? Подобную житейскую мудрость советские дети усваивали с младших классов. Вскоре этот нехитрый и невесёлый завтрак был закончен, и дети отправились на уборку закреплённой за школой территории.

Место, где было суждено развернуться беспощадной битве за чистоту, находилось не около школы, а у одного из соседних многоэтажных домов. Высококультурные жители дома предпочитали выбрасывать мусор не на помойку, а прямо в окна, создавая у своего дома отвратительную свалку пищевых отходов, битого стекла и использованной туалетной бумаги. Почему-то это безобразие никак не пресекалось, просто время от времени на прилежащий к дому газон выгоняли пару десятков школьников, и они худо-бедно наводили там порядок. Об использовании принудительного детского труда никто не задумывался (кроме Димы и нескольких его приятелей, но они благоразумно помалкивали).

«Энтузиасты» участвовали в этом мероприятии далеко не впервые и убирали территорию не торопясь, без огонька. На вооружении у всего отряда были только одни грабли и одни носилки. Мальчишки, разбившись на пары, по очереди таскали носилки с собранным мусором на помойку за школу, при этом по пути половина ноши сдувалась ветерком на асфальт. Остальные бродили по газону, накалывая на тут же найденные острые палки фантики, бумажки, полиэтиленовые пакеты, пустые пачки сигарет «Космос» и «Прима», поглядывали на редкие белые облачка, застывшие в сине-голубой высоте, и зелёную надпись на красной стене дома:

Наш дом участвует в соревнованиях за самую чистую территорию!

– А ну, кончай газон топтать! – орал дурным хриплым голосом пенсионер из окна третьего этажа, руки его дрожали, а глаза вылезали из орбит от лютой ярости, – да-да, тебе говорю, коза рыжая!

В такие моменты девчонки обычно предпочитали делать вид, что ничего не слышат, мальчишки жалели об отсутствии рогатки или чего посерьёзнее, а вожатая в очередной раз

удивлялась абсурдности бытия. Дима с Саньком, конечно же, в другой раз придумали бы, чем насолить этому нехорошему человеку в окне, но рядом была вожатая, и они помнили золотое правило – не нарывайся! Однако всё имеет свой конец, закончилась и эта нудная уборка под аккомпанемент ругани сумасшедшего старика. Ребята, строим по парам, во главе с вожатой Наташей, двинулись по направлению к школе, то есть к лагерю «Солнышко».

– Раз-два, три-четыре! Три-четыре, раз-два! Кто шагает дружно в ряд?! Пионерский наш отряд! – надрывали глотки речёвкой юные пионеры.

Взрослые прохожие недовольно морщили лица и отворачивались, а дети, которым посчастливилось в этот раз не оказаться в летнем лагере, сочувственно улыбались. Войдя на территорию школы, «Энтузиасты» встретились с Ниной Владимировной, грозным учителем математики, вызывающей трепет не только у школьников, но и у некоторых учителей. Глядя на неё становилось понятно, что оказывается можно выработать у себя такую осанку, что все окружающие поймут с первого взгляда, – вот этот человек существует не для добра, радости или любви, а как раз наоборот, для создания неприятностей, всевозможных гадостей, тотального контроля всего и вся. Учительница шла, как-то по особенному, в своей манере выпрямив спину, по направлению к автобусной остановке. Всё в ней, казалось, кричало: «Да, это я! Я именно такая, как вам показалось! И ничего вы с этим не поделаете». Что такого могло случиться в её советской жизни, какой путь она прошла, прежде чем превратилась в саму себя, никто не понимал, а дети по своей наивности ещё не задумывались. Стук её каблучков по асфальту заставлял сердца многих детей трепетать от какого-то первобытного страха. Встреча с математичкой никогда ничего хорошего не предвещала, наоборот, предшествовала всевозможным проблемам. «Что ей летом дома не сидится? – Дима наивно полагал, что все летние каникулы учителя проводят в свое удовольствие, раз у школьников нет уроков. – Специально пришла, повинухивать, кровушки попить!»

А Нина Владимировна, вынужденная исполнять свои педагогические функции летом, пребывала сегодня в настроении, едва ли не худшем, чем у Димки с утра. Она внимательно оглядела трудовой отряд и незамедлительно последовало замечание:

– Леонов! Почему без галстука?! – Димка вздрогнул, хоть и ожидал этого вопроса. Его пионерский галстук остался дома у родителей, к бабушке он пошел без него, поэтому утром повязать ему было нечего.

– Ты что, уже не пионер? – продолжала Нина Владимировна. – Это, кстати, легко можно устроить, и так в последнее время в пионерской организации развелось слишком много разгильдяев!

Строго говоря, процент разгильдяев среди пионеров давно был величиной постоянной – в пионерскую организацию уже много лет брали всех школьников подряд, кого-то раньше, кого-то позже, но сейчас математичка решила закрыть глаза на этот известный факт. В принципе, у Димы имелись особые причины опасаться – Нина Владимировна Мордвинова давно за что-то невзлюбила Димку. Сам он подозревал, что все из-за разницы в звучании, вернее благозвучии их фамилий, но доказательств этого ни у него, ни у нас не было и нет.

И вот сейчас Димка молча стоял под испепеляющим взглядом учительницы, в упор смотря на чёрную пуговицу её неизменного, как мундир, синего пиджака, и вспоминал один одновременно смешной и неприятный случай, приключившийся с ним на её уроке. Как-то раз во время учебного года, отвечая у доски, он взял, да и обозначил по причине хорошего настроения треугольник латинскими буквами ЕВС. Весь класс прыснул со смеху, а Нина Владимировна пока ещё ничего не поняла. «Вот они, маленькие радости простого советского ученика», – подумал Димка, а вслух начал говорить:

– Возьмем, например, прямоугольный треугольник ЕВС... – тут класс сотрясся от гомеорического хохота, Нина Владимировна взяла указку и хлопнула ей Димку по мягкому месту.

– Родителей в школу! – прозвучал её суровый приговор.

Родители на собраниях всегда Димку защищали, но дома ему доставалось от них сполна. Неприятнее всего было неподдельное расстройство мамы и папы, близко к сердцу принимающих все неудачи сына, этого Дима просто физически не выносил, поэтому вызовы родителей в школу являлись для него жестоким наказанием.

А ещё как-то раз один Димин и Санин, бывший уже, одноклассник, Лёша Портнов, на свою беду и на радость приятелям нарисовал на доске во время перемены квадратный трёхчлен. Именно нарисовал, а не написал. Это был большой, во всю доску, квадратный человек, с двумя квадратными руками, квадратной головой, двумя квадратными ногами и тремя, не менее квадратными членами. Чтобы никто не сомневался, Лёша начал писать над головой монстра каллиграфическим почерком:

«Квадратный трехчлен – пожалуй, лу...», – чем заканчивалась фраза, никто так и не узнал, потому что в класс вошла Нина Владимировна. У Лёши всё всегда было как-то так, нескладно: и внешний вид, и дела, и озорство, и, наверное, даже его мысли. Конечно же, вызовом родителей в тот раз дело не ограничилось, началась настоящая травля Портнова: у него ухудшились оценки, Лёшу перестали отпускать в бассейн на соревнования. А после классного собрания на тему «Почему Алексею Портнову не место в нашем коллективе» Лёшины родители забрали документы из школы.

Вот и сейчас все с некоторым опасением ждали, во что выльется праведный гнев Нины Владимировны. Но в этот раз, слава богу, гнев благополучно сменился милостью:

– Чтобы сегодня же вычистил до блеска «Пионерскую»! Ты понял меня, Леонов?!

Дима упрямо молчал. «Не по годам развитый ум и ослиное упрямство – вот главные отличительные черты моего сына, – говаривала Димина мама во время семейных застолий, – и то, и другое может ему как помочь, так и навредить в жизни».

– Завтра я всё проверю! – сказала Нина Владимировна и удалилась, прямая, как жердь.

Честно говоря, ей не было никакого дела до пионерских галстуков вообще и до Диминого галстука в частности. Супруг Нины Владимировны лежал дома в предынфарктном состоянии, денег до получения отпускных оставалось пять рублей с копейками, а в холодильнике был только холод и морская консервированная капуста. Просто директор школы, суровая женщина сталинской закалки, всех держала в ежовых рукавицах – и учеников, и учителей. Расслабляться было никак нельзя, вмиг доложат обо всем доброжелатели, а уж испортить жизнь простому учителю, даже и завучу, директор школы мог вполне. Но Дима и остальные дети этих тонкостей взрослой жизни, естественно, не знали и не представляли, а потому продолжали трепетать, как нежные лани во время королевской охоты в европейском лесу.

Строем, но уже без речёвки, «Энтузиасты» продолжили свое возвращение с уборки. На школьном крыльце им встретился ещё один педагог, Сергей Петрович, учитель английского языка. Дети поздоровались с ним нестройным хором.

– Вись! Вись! – одновременно послышались крики из строя.

Сергей Петрович как-то неловко улыбнулся, махнул рукой, и отправился дальше по своим делам. Он немного горбился и пришаркивал ногами, несмотря на то, что вроде бы был спортивным человеком: с удовольствием бегал, плавал в бассейне, играл в футбол со старшеклассниками. Серый костюм Сергея Петровича уже давно следовало отдать в химчистку, а не менее серые туфли, бывшие когда-то черными, и обувью-то можно было назвать с большой натяжкой.

Диме стало стыдно, и за своих приятелей, и почему-то за себя. Учитель английского языка был одним из добрейших и приятнейших в общении людей, которых он знал. Однако за свою доброту, наверное, и получал сполна, даже от своих учеников. Дело в том, что английские слова «This is...», Сергей Петрович упорно произносил как «Висись», за что и приобрёл нелicenseприятное прозвище «Вись-Пись».

Димка показал кулак девчонкам, наиболее активно дразнившим Сергея Петровича, и побрел в «Пионерскую комнату».

– Как приберёшься там, приходи в класс, пойдем обедать! – крикнула ему вслед Наташа, но Дима даже не кивнул ей в ответ, только улыбнулся хитрой улыбкой, предназначенной и понятной одному приятелю Сашке.

В «Пионерской», естественно, ничего не изменилось со времени последнего Диминого посещения этой комнаты. На одной стене висел огромный портрет Ленина, на котором вождь не был похож сам на себя, а напоминал скорее отца советской атомной бомбы Курчатова. С другой стены на вождя мирового пролетариата смотрел советский полководец Тухачевский, напоминавший красноармейца с плаката «Ты записался добровольцем?!». И как-то так вышло, что одновременно оба легендарных коммунистических деятеля буравили глазами Димку, ни на секунду не отрываясь. Посередине комнаты на низком круглом столе стояли медные горны, барабаны, лежали красные знамена с золотым тиснением, прочая пионерская пафосная дребедень. Окна были прикрыты алыми шторами, отчего все предметы в комнате приобретали зловещий красноватый оттенок. И, тем не менее, нельзя не отметить, что «Пионерская» выглядела весьма красиво. Так, возможно, может быть красиво и в обиталище дьявола в самой глубине преисподней. Внезапно воздух дёрнулся и поплыл перед Димкой. На мгновение мальчику показалось, что улыбка Тухачевского сделалась шире, блеснули белым зубы во рту, а Ленин повернул голову и со смертельной тоской посмотрел в окно. Все потускнело у Димы перед глазами, даже пол покачнулся. Но тут в дверь заглянула Наташа, и все сразу вернулось на свои места.

– Как ты тут, справляешься? – спросила она. – Помощь нужна?

– Обойдусь! – грубовато ответил он, вздохнув, тем не менее, с облегчением, и Наташа, пожав плечами, удалилась.

Дима вытер пыль влажной тряпкой со всех доступных поверхностей, даже со вновь замерших на своих законных местах Ленина с Тухачевским. Потом принес из туалета два ведра теплой воды и тщательно вымыл пол, чтобы никто не имел ни малейшего шанса придраться. Что ж, дело сделал – гуляй смело, можно идти к остальным. Димка пнул ногой на прощание самый большой барабан, чуть не проткнув его носком сандалии, с удовольствием послушал быстро стихший громовой звук и вышел в коридор.

Глава 2

Игра

– Дим, а ты что не ешь ничего? Будешь ножку?

– Забирай! – Димка передал жареную куриную ножку Сане. Тому достался кусок белого суховатого мяса с косточками – не повезло, хотя кто-то, наверное, любит – и он сидел с кислой миной на лице и уже минут пять косил своими голубыми глазами Диме в тарелку.

Обед, в отличие от сегодняшнего завтрака, заслуживал всяческих похвал. Давали салат из свежей мелко нарезанной капусты с морковью, заправленный каким-то сладковатым маринадом, гороховый суп с кусочками колбасы, картофельное пюре с жареной курицей и сладкий чай с булкой. Дима вполне наелся гороховым супом, поэтому безропотно расстался со своим вторым блюдом и с видимым удовольствием прихлёбывал горячий чай из граненого стакана. Прожевав кусочек булки, он оглянулся и посмотрел на ребят и девчонок за соседними столами, не в первый уже раз поймал на себе Наташин взгляд и быстро, как и утром, опустил глаза. Видимо Димкина независимость заинтересовала девушку, чего он в принципе и добивался своим вызывающим поведением. Зачем ему это надо? Да просто так, чтобы нос не задирала, красавица. Потешить мужское самолюбие приятно и в одиннадцать лет. Хотя, мало ли что она там думает себе, может у неё есть маленький братик, похожий на Димку, и он, например, болеет. Тут Дима понял, что и сам уже подозрительно много думает о вожатой, и полностью сосредоточился на чае с булкой. После обеда, сидя в классе, Дима заметил, что теперь Наташа упорно не смотрела в его сторону. С удивлением и досадой Димка понял, что это его задевает. «Да что это за ерунда такая, – думал он, – втюрился я в неё, что ли? Ещё чего не хватало, надо предложить Саньку потихоньку пробраться на футбольное поле и погонять мяч!»

– Ладно, дети, – заговорила Наташа, по-прежнему не глядя на Диму, – я обещала поиграть с вами в предсказание будущего. Присаживайтесь поближе и давайте начинать! – она сделала изящное движение головой, и её белокурые волосы рассыпались по плечам, заставив всех мальчишек сделать глубокий вздох. – Только не забывайте, мы с вами взрослые, культурные люди, все мы получаем лучшее в мире советское образование. Поэтому в своих прогнозах мы должны учитывать известные нам тенденции развития науки, политики и культуры. Все знают, что такое тенденции? Ну, вот и хорошо. А не городить подряд, что в голову придёт, как это делали средневековые, так называемые ясновидцы. Всё понятно?

– Да! – протянули хором дети, почему-то в основном девчонки. Всем стало ясно, что говорить надо будет по-умному, как взрослые. Каковы тенденции развития науки, культуры и тем более политики, и что вообще такое эти «тенденции», большинству четвероклассников было невдомёк, тем не менее, уточнять никто ничего не собирався, чтобы не затягивать и без того нудное мероприятие.

– Дима, Саша! Вы куда? – удивленно спросила Наташа, а Димка с удовлетворением подумал, что вожатая всё же обратила на него своё внимание.

– Мы пойдем, мяч немного погоняем! – с робкой надеждой в голосе ответил Саня.

– А ну-ка вернитесь, я вас никуда не отпускала! Живо на свои места!

Друзья послушались и неохотно вернулись за парты.

– А мы не успеем до тихого часа, все не смогут выступить! – сдвинув брови, сказала Маша – отличница.

– Если будете себя прилично вести, можем поиграть и вместо тихого часа.

– Ура!!! – закричали дети, и даже Санек с Димкой не остались в стороне.

– Только тихо, вы что! – заволновалась Наташа, и все поспешно замолчали. – Вот так, другое дело. Давай, Маша, начинай! Расскажи нам, какой будет наша жизнь, лет, скажем, через двадцать пять, то есть ровно через четверть века! Мы тебя внимательно слушаем.

Маша была довольно симпатичной девчонкой, улыбчивой, стройной, высокой. Конечно не первая красавица в классе, но всё же... Каждую весну солнце щедро рассыпало на её пухленьких щёчках сотни ярких веснушек. Но вовсе не они подводили её, веснушки – это, как говорится, на любителя, кому-то не нравятся, а кто-то и голову из-за них теряет. Просто Машенька была умницей, отличницей, председателем совета пионерского отряда, любимицей педагогов. И с учётом всех этих замечательных качеств, становилось неясно, чего ожидать от неё в следующий момент, кто знает, может и доложит обо всех шалостях учителю. Её сторонились, не принимали в игры, не доверяли секреты, на что она, естественно, сильно обижалась, из-за чего постепенно становилась всё более замкнутой и высокомерной. И уж конечно же никто из мальчишек не пытался ухаживать за ней, ведь вот так поцелуешь её в щёчку или дёрнешь за косичку, и окажешься в кабинете директора вместе с родителями.

Согласно кивнув вожатой, Маша встала из-за парты, вышла к доске, как на уроке, и начала свой рассказ:

– Через двадцать пять лет уже наступит двадцать первый век! А точнее, будет две тысячи девятый год. Наша жизнь и окружающий нас мир изменятся до неузнаваемости! Небывалых успехов добьётся наука и технология. Советские ученые изобретут антигравитацию, отпадет необходимость в автомобилях, поездах, кораблях и самолетах. Исчезнет асфальт из городов, станут ненужными автомобильные трассы и железные дороги.

«Вот, чёрт, не хочу я слушать эту ахинею!» – Димка потихоньку повернулся к Саше, в надежде сыграть хотя бы в морской бой или просто поболтать, но с удивлением заметил, что тот внимательно слушает. Поймав укоризненный взгляд Наташи, он сел смирно и прикрыл глаза. «Неужели всё лето будет таким?» – подумал он. С улицы доносился залиvistый пере-свист каких-то птичек, невидимых в листве деревьев. С Димкиным воображением запросто можно было представить себя в лесу или на берегу реки, если бы не воодушевлённый голос Маши, продолжающей старательно излагать известный всем общепринятый и единственно допустимый прогноз ближайшего будущего.

– Вместо дорог повсюду зазеленеют газоны и лужайки. Пассажиры и любые грузы будут быстро перемещаться по воздуху на огромные расстояния на антигравитационных платформах. К две тысячи девятому году человечество достигнет всех планет солнечной системы, а на Луне, Марсе и Венере будут основаны постоянные поселения, начнется постройка промышленных предприятий. Полным ходом будет идти подготовка к первой межзвездной экспедиции к ближайшей звезде, Альфе Центавра. Исчезнут гидроэлектростанции, ТЭЦ, дымящие трубы заводов. Вместо них широкое распространение получат компактные и безопасные термоядерные реакторы. Производимой ими энергии будет достаточно для удовлетворения любых нужд человечества. Конечно же, в двадцать первом веке останется много неинтересной, однообразной и тяжёлой работы. Однако всю подобную работу будут выполнять специальные роботы, разработанные нашими учёными и инженерами. В общественной и политической жизни также произойдут большие перемены – настанет долгожданный коммунизм.

Маша чуть перевела дух и продолжила говорить, как по писанному, подняв подбородок и как-то умудряясь смотреть на всех словно свысока:

– Развитие науки и технологии позволит каждому человеку получить все, что ему потребуется или захочется, при этом работать каждый будет ровно столько, сколько сможет. Но все люди будут сознательными и трудиться станут на совесть. Тунеядцы останутся в тёмном прошлом. А так как все получают всё, что пожелают, исчезнет и преступность.

– Это она журналов в библиотеке читалась, я сам видел. А еще с ней Федя из восьмого «а» туда ходит, они за одним столом садятся, и она ему про любовь, а он ей про роботов, космос и коммунизм! – Саня с Димой тихонько посмеялись, заслужив очередной укоризненный взгляд Наташи.

А Маша не останавливалась и продолжала свой рассказ, как по писаному:

– Отдельные государства на планете перестанут существовать. Просто люди всех стран увидят, как счастливо живут граждане первой коммунистической страны, и убедят своих руководителей присоединиться к СССР. На Земле со временем образуется и будет существовать только одно государство КСПЗ – Коммунистический Союз Планеты Земля. Но всё-таки останется одна территория, не вошедшая в этот Союз – современная Новая Зеландия. Люди специально оставят эту страну, чтобы там могли жить все недовольные существующим общепринятым порядком. Туда также будут отправлять сумасшедших, временно, пока не смогут всех их вылечить.

«Да, боюсь, что Новая Зеландия рискует стать самой густонаселенной страной на Земле, – думала тем временем Наташа, слушая девочку Машу, но вслух, естественно, ничего не говорила, – в первые же годы победившего коммунизма туда хлынет поток „сумасшедших тунеядцев“, не желающих трудиться, кто сколько сможет. Да и мало кто захочет ждать, когда врачи наконец-то научатся лечить твоё сумасшествие...».

Наташа передёрнула плечами от вдруг прокатившегося по спине озноба. «Господи, о чём это я, что это я так разволновалась?.. В целом-то девочка все правильно говорит, – успокаивала себя она, – только накидала в одну кучу события, которые, наверное, растянутся на века».

– А ещё, – продолжала Маша, – все дети будут воспитываться не родителями, а в интернатах-коммунах. Там у них будут самые лучшие условия для роста, образования и укрепления духа и тела.

– Ну, это ты загнула! – Дима не выдержал и намеренно мерзким голосом перебил рассказчицу. – В интернатах, ха-ха! Вот тебя первую туда и отправим!

– Дурак ты, Леонов, в это время я уже буду взрослая!

– Ну, тогда твоих детей, доченьку маленькую и сыночка, совсем грудного, туда заберут! Сразу, как только партия примет решение такие интернаты открыть. И лучшие воспитатели там ими будут заниматься, укрепят им и тело, и дух!

У Маши вдруг задрожали руки:

– Ты совсем идиот, или притворяешься? Я все папе расскажу, понял! – голос у Маши тоже дрогнул, и последняя её фраза уже не могла служить образцом ораторского искусства.

– А ну-ка, перестаньте! – Наташа решила потушить скандал, грозящий перерасти в драку, удивляясь, какими дети могут быть жестокими. – Между прочим, Дима, знаменитые советские писатели-фантасты Стругацкие тоже считают, что воспитанием детей должны заниматься не родители, а профессионалы в специальных детских домах-интернатах. На эту тему можно долго спорить, и все будут по-своему правы. Поживем – увидим!

«Ага, вот из-за таких, как эта горе-отличница, и отправят скоро всех в детский дом! Неизвестно тогда, куда бежать, разве что в Новую Зеландию! – тут Дима мечтательно вздохнул, – хорошо, что Ленка моя не такая!..»

Лена была необыкновенно красивой девочкой, на три года старше Димы. Она жила с ним в одном доме, буквально через подъезд. Непонятно, как одиннадцатилетний пацанёнок и четырнадцатилетняя девушка нашли интересные темы для общения, однако виделись они каждый день, болтали обо всем подряд. Димка рассказывал Лене про футбол, про жабу, живущую на даче, про Нину Владимировну. А Лена в основном слушала, смеялась над Димиными нехитрыми шутками, любовалась его по-мальчишески красивым лицом и совершенно белыми мягкими волосами. Потом чмокала Димку в щёку и шла к своим взрослым подружкам. Дима считал Лену своей девушкой и чувствовал себя при этом счастливым и очень взрослым. Он каждый день ожидал показательной взбучки от старших ребят – поклонников Лены, но самое большое, что он получал от них – это снисходительный шелбан, даже и не по лбу, а так, по вихру, и незлые усмешки вслед.

Тем временем Маша успокоилась, сказала, что рассказ её закончен, и она готова ответить на вопросы. В классе воцарилась гробовая тишина. Скорее всего, Машу никто толком и не слу-

шал, кроме Димы, Сани и Наташи. Кто-то рисовал или играл в морской бой, девчонки шёпотом обсуждали какие-то свои секретки и давились от беззвучного хохота. Мальчишки смотрели в окно или по достоинству оценивали Наташины стройные ноги, благо довольно короткая модная юбка позволяла многое рассмотреть и оставляла простор для юношеских фантазий.

– Как говорится, лес рук! – Наташа скривила губы. – Вкатить бы вам всем по паре, да придётся подождать с этим до осени. Ну что, есть еще желающие? Александр, что же Вы молчите? Неужто только в футбол можете гонять, а в голове Вашей одни суховеи да перекасти-поле?

Маша с высоко поднятой головой проследовала на свое место, а Саня густо покраснел. Он не имел такого богатого опыта общения с женским полом, какой имелся у Димки, поэтому очень стеснялся, когда с ним заговаривали девушки, тем более в таком тоне и такой манере. Дима ткнул его локтем в бок, давай, мол, чего тормозишь. Саша вышел к доске, занял то же самое место, где только что стояла Маша, и принялся изучать свои кеды. Он даже раскрыл рот, но не вымолвил ни звука. Потом поймал насмешливый Машин взгляд, сглотнул сухой комок в горле и заговорил:

– А я думаю, что до две тысячи девятого года мало кто из нас доживет! – из класса тут же послышались сдавленные смешки.

– Да, я так думаю! – продолжал красный, как рак, Саша. – Дело в том, что в двухтысячном году начнется ядерная война. Кто на самом деле ее начал, останется загадкой. Возможно, просто произойдет случайный пуск тактических ракет – это такие ракеты с не самыми мощными боеголовками, предназначенные для атаки скоплений войск противника. Однако обе стороны, и СССР, и США, будут, конечно, все валить друг на друга. Только это будет уже неважно: миллиарды людей погибнут, от городов останутся одни руины, электростанции, мосты, плотины будут уничтожены. Некоторое время люди в странах, которых не коснется пламя ядерной войны, будут чувствовать себя в безопасности, многие даже станут злорадствовать. Однако вскоре по всей планете неотвратимо распространится радиация – не только от ядерных взрывов, но и от разрушенных атомных электростанций, что гораздо страшнее. По всем материкам прокатится волна голода и страшных эпидемий. К две тысячи девятому году на Земле, а точнее в Новой Зеландии – наиболее удаленной от ужасов войны стране, останется жалкая горстка людей, не более десяти тысяч человек. Остальные острова и материки превратятся в выжженные радиоактивные пустыни, в которых даже тараканам станет трудно выживать.

– Саша, скажи нам, какие у тебя есть причины давать подобный прогноз? – голос Наташи был очень серьезен.

– А почему вы Машу не спрашивали о причинах, когда она нам рассказывала про роботов и всеобщее коммунистическое счастье? – Саша осмелел, разговорился. Благодаря своей детской наивности, он не заметил в этих словах никакой крамолы. А Наташа моментально поняла, что подобный разговор может завести в совершенно ненужное и неудобное русло, поэтому поспешила сказать:

– Ладно, Саша, продолжай, мы все тебя слушаем, больше перебивать не будем, – всё-таки она не была настоящим профессиональным педагогом, не могла четко контролировать и направлять ход беседы. Окажись сейчас на её месте та же Нина Владимировна, Санёк так легко бы не отделался, возможно, даже получил бы взбучку за слишком вольное обращение со словом «коммунизм».

– Да в общем-то я все уже рассказал... А насчет причин... Ну, например, вот такая: к две тысячи девятому году в мире – и у нас, и в Америке – накопятся десятки тысяч ядерных и водородных бомб. Ядерные боеголовки будут устанавливаться на ракетах всех самолетов, выполняющих ежедневное патрулирование границ и нейтральных территорий. Каждый лётчик сможет нажать на кнопку и начать войну. А ещё останется множество складов с устаревшим ядерным и химическим оружием, которое будет просто некогда, да и дорого уничтожать. Катастрофа может произойти из-за взорвавшейся бомбы на таком складе.

– Нет, Саша, это невозможно, будь спокоен. Вот вариант с летчиком более вероятен, я думаю, – проговорила Наташа.

– Согласен, только результат все равно один. Короткая ядерная война и гибель человечества, растянувшаяся на несколько лет.

– Хорошо, а что станет с теми людьми в Новой Зеландии? Они спасутся?

Надо отметить, что Сашин рассказ неожиданно для него самого вывел слушателей из полусонного состояния. Никто больше ворон не считал, все внимательно смотрели на рассказчика. Окрылённый непривычным успехом, Саня продолжил фантазировать:

– Да, конечно спасутся, но не все. Неподалёку от нашей солнечной системы во время ядерной войны на Земле будет пролетать грузовой космический корабль инопланетян с Альфы Центавра. Инопланетяне заметят вспышки на планете и решат спасти уцелевших людей. Но вот незадача: увезти они смогут только две тысячи человек, корабль-то не пассажирский. Чтобы выбрать, кого спасти, а кого оставить на погибающей планете, решат объявить турнир, где каждый своими кулаками будет расчищать себе путь к спасению – такая уж у инопланетян традиция. Женщины будут драться с женщинами, мужчины с мужчинами. Проигравшие потеряют право на спасение. В конце концов, отберут тысячу мужчин и тысячу женщин, не проигравших ни в одной схватке. Все они улетят вместе с инопланетянами в далёкую звездную систему на самом краю вселенной, а оставшиеся погибнут от смертельной радиации или просто от голода.

– Да, Сашенька, мрачные у тебя фантазии, – попыталась улыбнуться Наташа, но получилось совсем неубедительно.

– Это не фантазии, а основанные на логике и интуиции достоверные прогнозы, – ответил Саша и направился на свое место рядом с Димой. Он уже не краснел, а, наоборот, успокоился и стал уверенным и сосредоточенным.

– Можно задать вопрос? – подала голос со своего места Маша, – а как же дети? Они тоже участвовали в том турнире на выживание?

– Да, конечно, исключений не делалось. Все они проиграли. – Ответил Саня, садясь за парту.

– Фу, как это некрасиво, даже мерзко!

– Да, а ты как думала?! Думала, я скажу, что все дети попали на корабль вне конкурса? Или все взрослые во время боёв поддавались детям? Нет, Маша, я не добренькую сказочку сочиняю, а рассказываю, что нас ждет на самом деле.

Маша отвернулась и стала смотреть в окно.

– А я надеюсь, что человечеству хватит ума и терпения уклониться от такой перспективы и не совершать самоубийства в термоядерном пожаре, – с тяжким вздохом заключила Наташа.

Было еще несколько выступивших, но все они по большей части повторяли или развивали Машин прогноз. Кто-то подробно рассказывал о космических исследовательских базах на спутниках Юпитера и Сатурна, о промышленных комплексах в поясе астероидов, о путешествиях к далеким звездам через гиперпространство, о долгожданных встречах с инопланетянами. Другие описывали счастливую жизнь на Земле, в мире без денег, без бедности и преступности. Рассказывали о поездах, движущихся без трения в подземных тоннелях быстрее скорости звука, о практически разумных человекоподобных роботах, выполняющих всю тяжёлую, опасную и неинтересную работу, о специальных обучающих устройствах, записывающих море информации непосредственно в мозг и позволяющих забыть о зубрёжке.

Мало кто делал скидку на сравнительно небольшой срок, в течение которого всё описываемое должно было сбыться. Дети просто фантазировали и озвучивали все, что когда-то слышали на эту тему или могли придумать сами. Вряд ли они это осознавали, но в этих наивных детских рассказах ярко проявлялось затаённое желание каждого вырваться из серости повседневной советской рутины. Эти яркие краски красивой или просто другой придуманной

одноклассниками жизни крошечными капельками долетали и до Диминого сознания, хоть он и старался особенно не вслушиваться. Он вспомнил, как Кирилл принес в школу заграничный кубик Рубика – тут и отечественный-то был невероятным дефицитом, а этот просто сиял фосфоресцирующими гранями, проворачивался мягко и пружинисто, без малейшего скрипа. За такой кубик многие были готовы отдать все свои игрушки. Или как Таня пришла в школу в красно-сиреневой короткой курточке с непонятной надписью на английском языке и белоснежных импортных кроссовках. Или как Денис угостил своих ближайших друзей жевательной резинкой с гоночными автомобилями на глянцевых цветных вкладышах. Что и говорить, если для большинства Диминых одноклассников абсолютным счастьем представлялся дождь из жевательной резинки и вьетнамских шариков для пинг-понга. Очень хотелось чуда, очень хотелось перемен, даже если неосознанно, и советским детям, и их взрослым родственникам. А тут условиями игры предлагалось дать волю фантазии и описать будущее двадцать первого века! У детей голова могла пойти кругом от картинок вероятного будущего, предстающих перед мысленным взором, и сладостного предчувствия близкого счастья.

Даже Санёк и даже старающийся не участвовать в игре Дима на время позабыли о проходящем мимо них лете и о своем недавнем желании сыграть на школьном дворе в футбол и увлеклись всеобщим обсуждением. Димке особенно понравилось поспорить про инопланетян, встреченных на Альфе Центавра. Инопланетяне якобы были телепатами, уровень развития их цивилизации на тысячи лет обгонял земной, что казалось Диме неправдоподобным:

– Почему же они тогда первыми уже давно к нам не прилетели?

– А они прилетали, – отвечал очередной рассказчик. – Просто они считают, что не имеют права вмешиваться в развитие цивилизации. Инопланетяне посетили Солнечную систему, обнаружили общество разумных существ на третьей планете (у нас тогда был девятнадцатый век), оставили крошечные следящие спутники и удалились.

– А как они выглядели, эти инопланетяне, как маленькие зеленые человечки? – поинтересовалась Таня, та, у которой была красивая куртка. – Или как люди?

– Нет, не как зеленые человечки и не как люди. Это были разумные пауки, ростом чуть больше метра и с двенадцатью ногами.

– Ну что за чепуха! – Таня быстро потеряла к этой теме интерес и полезла в рюкзачок за расческой.

Наташа обвела взглядом класс и вдруг сказала:

– Что-то, ребята, Дима у нас молчит, наверное, придумал нечто совершенно необычное! Да, Дим?

Димка растерялся. Он и не думал уже, что очередь до него дойдёт.

– Ну, все вроде бы всё уже рассказали, обсудили даже, поспорили, что ещё добавлять-то?

– А ты иди сюда, к доске. Главное начать, и рассказ сам собой сложится, вот увидишь!

«Что это она уговаривает меня, как маленького, прямо позорище какое-то, – Дима совсем смешался, – нет, надо обязательно что-нибудь придумать!»

Стоя у доски, он буквально силой заставил себя раскрыть рот и начать что-то говорить:

– Конечно же, в две тысячи девятом году уже настанет коммунизм, – в классе кто-то нарочито кашлянул, и послышались глухие смешки. – Ну, это... Короче мы отправим большой космический корабль к звездам... – Тут до Димы со всей ясностью дошло, что в голове у него абсолютная пустота, и говорить ему нечего, да еще вдобавок опять, как недавно в «Пионерской», всё странно поплыло и зареяло перед глазами.

– И роботы железные полетят вместе с людьми, – выдавил из себя Димка из последних сил после секундной паузы. В классе уже откровенно посмеивались, и Наташа презрительно и разочарованно прищурила свои красивые глаза. Может быть от этого взгляда, а может от жары ноги у Димы стали словно ватными. Он попытался глубоко вздохнуть, но не получилось, только вдруг потемнело в глазах, щебетание птичек за окном стало доноситься до него, словно сквозь

шуршащую бумагу, и сердце забилося, как синица в клетке. Больше не в силах стоять на ногах, он облокотился обеими руками на учительский стол и вдруг рухнул всем телом прямо на Наташины колени.

Глава 3

Пророчество.

В классе слитно вскрикнули все девчонки, да и Наташа от них не отстала.

– Димка, Димочка! Ну что же ты! Что с тобой?! Можешь говорить?! Принесите воды кто-нибудь, ну что же вы стоите! – Наташа осторожно позволила обмякшему мальчику сползти на пол и стала хлопать его по щекам.

– Надо ему искусственное дыхание сделать! – вышла вперёд Маша. – Я умею, нас в прошлом году в летнем лагере на игре «Зарница» научили.

– Обойдешься! – усмехнулась Наташа. – Она уже прощупала Диме пульс, убедилась, что он есть, и немного успокоилась. Димка лежал с полужакрытыми глазами и ровно дышал.

Принесли воду, попытались заставить лежащего в обморочном состоянии мальчика сделать глоток, но ничего не вышло, только майку ему намочили. Тогда Саня просто набрал воды в рот и с силой выдул её сквозь плотно сжатые губы с громким смешным звуком, как делала его мама при глажке белья. Тысячи мельчайших капель попали на Димино лицо, и Наташа, чуть погодя, вытерла их аккуратно салфеткой с учительского стола. Приходить в себя Димка не спешил, и ситуация становилась уж вовсе неприятной. Надо было срочно вызывать врача, однако делать этого совершенно не хотелось. Вызов врача – необратимый шаг, потом будут дотошные разбирательства, и хорошо известно, кого сделают козлом отпущения: вместо того, чтобы уложить детей спать в тихий час, вожатая затеяла с ними какую-то сомнительную игру. И не совсем ясно, какие цели она преследовала, тут еще надо разобраться...

Наташины мысли с головокружительной быстротой понеслись в этом невеселом направлении. Чего уж тут скрывать, начавшись предательской дрожью в коленях и астматическим удушьем, девушку стала охватывать паника, невыносимо захотелось заплакать. Но Димка, вдруг, заморгал и промычал что-то невразумительное.

– Димочка, Димочка, миленький мой, ты очнулся? – Наташа уже не пыталась скрывать свои слёзы.

– Ох... Где это я... Что за ерунда?.. Как я здесь оказался? Я что, в метро? – каким-то бесцветным, глухим голосом пробормотал Дима, девчонки за Наташиной спиной нервно зашущукались.

– Точно, в метро. Вышел из поезда и иду в толпе. К выходу, наверное... – после короткой паузы снова заговорил Дима.

– Димка, ты что! Ты слышишь меня? – Наташа затрясла мальчика за плечи. – Ты здесь, в классе, просто тебе плохо стало.

Санёк тоже попытался пробраться к другу, но вожатая ему не позволила.

– Двери поезда закрылись, и он с оглушительным грохотом умчался в тоннель. – голос Димы стал ровнее и твёрже, оставаясь по-прежнему глухим. Мальчик не отвечал на вопросы, не реагировал на прикосновения, продолжая говорить, как включенный радиоприёмник:

– Мы довольно быстро идем по станции, направляясь к широкой лестнице в конце зала, мимо колонн из светло-серого мрамора, которые у потолка имеют форму пятиконечных звёзд. Это станция «Кропоткинская». Впереди на стене большое табло с красными цифрами, электронные часы. Время – восемь часов, сорок две минуты. Вокруг множество людей, бросается в глаза их яркая, необычная одежда. Очень многие в джинсах: голубых, белых, серых с белыми разводами, коричневых. Почти у всех в ушах какие-то маленькие штучки с проводами, как слуховые аппараты для глухих. Девушки в разноцветных полупрозрачных платьях. Много мужчин в костюмах. Я тоже в строгом тёмно-синем, почти чёрном костюме, в голубой рубашке с синим

галстуком, на ногах чёрные лаковые туфли. Я иду и цокаю каблуками об пол, как женщина. Очень жарко и я вспотел, рубашка липнет к спине, даже волосы на голове намokли от пота.

Наташа больше не пыталась привести Диму в чувство. Она сидела прямо на полу, прислонившись спиной к стене, а он лежал рядом с ней. Девушка положила Димину голову к себе на колени. Дети, немного успокоившись, стояли рядом или сидели прямо на партах. Было уже понятно, что происходит что-то необычное, необъяснимое. Кирилл хлопал глазами, Маша махала над Димой какой-то фанеркой, а Саша украдкой перекрестился и отошел к окну. Все сохраняли тишину и, замерев, внимательно прислушивались к словам мальчика.

– Я поднимаюсь по лестнице. Некоторые идут очень медленно, и это сильно раздражает, они мешаются, путаются под ногами. Хочется всех растолкать и быстрее пробраться к выходу. Я куда-то спешу... – Димка закашлялся. Ему тотчас же дали глотнуть воды, что он и сделал, в этот раз успешно. Через пару мгновений он продолжал:

«Я спешу на работу. Мне к девяти часам, и остаётся пятнадцать минут. Ну вот, длинный коридор заканчивается, еще один подъём по лестнице, и я на улице. У выхода два негра суют мне прямо в руки какие-то цветные картинки, я ловко обхожу их стороной. «Стоматология, здоровье, «кремлёвская» диета!» – наполовину поёт, наполовину говорит какая-то бабулька. Она держит в руках пачку газет с цветными фотографиями на страницах. Поток людей течёт мимо, не обращая на неё никакого внимания, спешит вниз по лестнице к пешеходному переходу. Я вижу светофор, горит зелёный человечек, можно идти.

Перехожу дорогу, поворачиваю налево, вижу красный свет и останавливаюсь. День сегодня просто чудесный, солнечно, жарко, природа ведь не виновата, что я обязан ходить на работу в костюме. Небо такое синее, как бывало только в детстве в пионерском лагере «Сказка» на речке Кададе. Сейчас бы позагорать и поплавать на водохранилище в Подрезово, а вечером шашлычок сообразить! Из ближайших ларьков пахнет то ли пончиками, то ли блинчиками, доносится аромат кофе. Мне надо перейти еще две улицы, Пречистенку и Остоженку, разделенные площадью «Пречистенские ворота» со старым облeзлым, заляпанным голубиным помётом памятником Фридриху Энгельсу. Впереди слева расположилась величественная громада храма Христа Спасителя. Ещё немного левее виднеются купола Кремля. Мимо, глухо шурша шинами по асфальту, проезжают большие чёрные автомобили с затемненными стёклами и разноцветные машинки попроче.

Что-то всё красный, да красный, слишком долго, так и опоздать можно... Ну вот, наконец, зелёный, перехожу Пречистенку. Толпа забирает правее. Мы с симпатичной девушкой в розовом сарафане идем прямо до перехода через Остоженку и останавливаемся: снова красный. Дует ветер, развевая подол её сарафана, девушка придерживает его левой рукой, одновременно правой инстинктивно прикрывая грудь, ткань-то прозрачная. «Зачем же ты так оде-лась, раз стесняешься!» – мелькает у меня мысль, и я улыбаюсь уголком рта.

В этот момент вдруг накатывает волнами и разливается вокруг низкий ритмичный звук. В храме Христа Спасителя забили колокола. Вот уж, действительно, малиновый звон!.. Наверное, сегодня праздник какой-то. Господи, до чего же красиво! Так приятно покалывает миллионами иголочек вдоль позвоночника, и кажется, что колокольный звон пробирает до самой глубины души! Смотрю на колокольни храма под золотыми куполами и вижу там крошечных звонарей, они ритмично двигаются в такт колокольному звону. Наконец-то зажгётся зелёный свет, скорее вперёд! Я тороплюсь, стеснительная девушка остается позади.

Прохожу мимо ресторана на углу Остоженки, у входа стоят элитные иностранные автомобили, рядом с ними курят охранники – большие ребята в чёрных костюмах с каменными лицами. Я опять поднимаю взгляд на храм. Какой же он здоровенный. Понятно, его восстановили после падения советской власти, используя современные материалы и технологии. Но, говорят, что до революции, до разрушения храма большевиками, он был в точности такой же, как сейчас. Как же такую громадину люди сумели построить в позапрошлом веке?.. Удиви-

тельно! Я слышал, что в советские времена на месте храма Христа Спасителя соорудили открытый бассейн, который работал круглый год. В нем купались советские люди, молодые и старые, а те, что были повзрослее, считали, что плавают в святой воде. Большого суеверия и большей глупости трудно себе представить. А какие выходили затраты энергии на подогрев воды, особенно зимой? И кому всё это было нужно? Как бы то ни было, недавно храм Христа Спасителя восстановили, вернее отстроили заново, с нуля. Для меня в этом есть еще один маленький плюс – в храме работает столовая, точнее «трапезная» – и я вместе с сослуживцами иногда хожу туда обедать, ведь это одно из очень немногих в округе заведений общественного питания с приемлемыми ценами.

Звон не прекращается. Наверное, в перезвон вступил какой-то большой колокол, звук стал ниже и глубже. Несколько человек азиатской наружности в грязной оранжевой форме кивают в сторону храма и криво усмеваются. Во мне растёт раздражение. Проходя мимо, я смотрю в глаза одному из них, не отрываясь. Наверное, в моем взгляде маловато доброжелательности, поэтому улыбка мгновенно исчезает с его лица, и вся группа оранжевых рабочих быстро уходит куда-то во дворы. «Гастарбайтеры», всплывает в памяти слово. Люди из бывших советских, азиатских, в основном, республик. Приехали в Россию, в Москву зарабатывать деньги. Вкалывают на самых незавидных работах: дворниками, строителями, разнорабочими. Платят им гроши, но за счёт этих денег их семьи в Средней Азии как-то сводят концы с концами. После развала СССР в тысяча девятьсот девяносто первом году жизнь более-менее наладилась только в России, миллионы людей в остальных бывших братских советских республиках существуют в условиях, близких к нищете. Моё раздражение быстро уходит: трудно злиться на несчастных, в общем-то, людей, тем более, когда весь воздух в округе наполнен волшебным звуком колоколов...

Прохожу мимо итальянского кафе, затем японского ресторана. Они откроются позже, останутся полупустыми днем, зато вечером туда хлынут хозяева жизни со своими подругами, менеджеры высшего и среднего звена, просто поклонники итальянской или японской кухни. А сейчас у дверей толпятся какие-то люди в простой одежде, то ли рабочий персонал, то ли соискатели работы, впрочем, не важно...

По правую руку остается какой-то пустырь, огороженный забором. Странно, такая площадь в центре Москвы пустует? Да здесь каждый квадратный метр стоит, как три чугунных моста. Четверо гастарбайтеров на пустыре подстригают мотокосилками разросшуюся траву. Не знаю, может быть, просто отгородили до поры площадку под строительство, а строить пока не начали, финансовый кризис, всё-таки. Скорее всего так, но это не точно...

Впереди виднеется Москва-река, Пречистенская набережная, здание какого-то предприятия по обслуживанию дипломатического корпуса. Там, за поворотом открывается вид на огромный чёрный памятник Петру Первому, стоящий на платформе в форме корабля прямо в Москве-реке, на старые корпуса кондитерской фабрики, и здания Кремля в противоположной стороне. Но я, не доходя до набережной, сворачиваю направо, на узкую, тихую, тенистую улочку. Курсовой переулок. В тени домов и деревьев становится ощутимо прохладнее. Следую мимо теннисных кортов. Два старичка, все в белом, бьют ракетками по оранжевым мячам, отрабатывают подачу. Остальные корты свободны, ещё слишком рано. Слева через дорогу стоит здание за каменным забором с милицейской будкой – посольство Мадагаскара. Милиционер в будке одет в странную серую форму – ну вылитый фашист. Оставшиеся в живых ветераны говорят, что на немцах в сорок первом году была именно такая форма, как сейчас на наших стражах порядка.

По обеим сторонам Курсового переулка вплотную друг к другу, бампер к бамперу припаркованы автомобили. Среди них нет ни одной «Волги», «Жигулёнка» или «Москвича» – сплошь импортные автомобили, в основном, элитные иномарки, японские, немецкие, английские. Номера машин странные, белые, с трёхцветным флажком и надписью «RUS». Я знаю,

бело-сине-красный флажок, царский триколор – это флаг Российской Федерации, страны, в которой все мы живём после распада СССР.

Колокольный звон доносится и сюда, здесь он мягче, тише, но, по-моему, еще проникновенней. Так он разносится по всем окрестным переулкам, вселяя в сердца людей надежду, спокойствие, просто улаждая слух. Иду мимо больших красивых современных домов в кубическом стиле. Скорее всего, это жилые дома. Интересно, кто может себе позволить купить здесь квартиру? Миллиардеры, олигархи, известные артисты? Вот так, проснулся человек раненько утречком, часиков в одиннадцать, в небольшой семикомнатной квартирке в центре Москвы, спустился вниз, поиграл в теннис с личным тренером, сел в лимузин и поехал заниматься своими тёмными делишками дальше, обворовывать народ и многострадальную родину. Нет, такая жизнь не для меня, даже если бы представился случай...

Иду дальше. Мужчины и женщины, неофициально по-летнему одетые, курят на крыльце узкого невысокого здания из тёмно-красного кирпича. Я знаю, что в этом доме находится какое-то государственное предприятие космической связи. У здания припаркованы два черных японских автомобиля. Машины – совсем, как у меня, только цвет другой. Кажется, в такой организации должны работать особенные, высокообразованные люди, немного не от мира сего, а вот нет, совершенно обыкновенные на вид, шутят, смеются, да ещё и курят. Улыбаясь собственным мыслям, прохожу мимо.

Впереди уже виднеется моё место работы, небольшой, но очень серьезный государственный банк. Хорошо, что я там работаю, есть надежда, что неурядицы очередного экономического кризиса обойдут меня и моих любимых стороной».

Тут Димка неожиданно дёрнулся, резко принял сидячее положение, больно стукнув Наташу темечком по подбородку, сильно закашлялся и открыл глаза. Наташа попыталась обнять его, но Дима вывернулся, встал и отошёл к своей парте.

– Ну, что уставились! Может быть, у меня рожки выросли, или спина белая?! – Димка отодвинул стул, присел на него и закрыл глаза, облокотившись на парту и обхватив голову обеими руками.

Глава 4

Сон.

До вечера ничего примечательного больше не произошло. И Наташа, и дети пытались, конечно, получить объяснение всему случившемуся от Димы, но он упорно молчал, на вопросы о самочувствии только отмахивался. Даже с Саней отказался говорить на эту тему. Все сходило на полдник, попили чай с жёсткими пряниками. После еды мальчишки всё-таки сыграли в футбол, но Димка играть отказался, просто сидел на траве рядом с полем и о чём-то думал. В шесть вечера всех отпустили домой. Никого дважды просить не пришлось, через минуту детей уже и след простыл.

Димка тоже побрёл в сторону дома, когда его догнала Наташа:

– Дим! погоди, надо поговорить! – она подошла и оказалась настолько близко, что он почувствовал сладковатый клубничный аромат её духов.

– Ну, говори!.. – вообще Дима был не грубым мальчиком, скорее даже вежливым и воспитанным, но с Наташей у него по-другому не получалось.

– Скажи, ты помнишь, как ты потерял сознание?

– Не терял я никакого сознания!

– Но ведь ты же упал на глазах всего отряда!.. А потом еще долго лежал и ни на что не реагировал.

– И что из этого?!

– Веришь ли, это называется «потерять сознание», – съязвила девушка.

– Я просто пытался что-то сочинить, потому что ты, как назло, поставила меня в неловкое положение. А потом перед глазами все поплыло, и я вдруг оказался в вагоне метро. Двери открылись, и я вышел вместе с другими людьми. – Дима опять как-то нехорошо побледнел.

– Ты упал и начал говорить... Ты хотя бы помнишь, какую ахинею ты нёс? Что-то про храм, колокольный звон, развал СССР, кошмар какой-то... Хорошо, что из учителей никого рядом не было. Хотя, ещё не вечер, кто-нибудь может и рассказать.

– Я всё помню, – сказал Дима очень серьёзно. – Только это не ахинея! Я увидел то, что нас ждёт через двадцать пять лет. Я видел всё чётко, это я там был, только уже взрослый. И теперь я знаю, что именно так всё и будет!

– Дим, ну ты же понимаешь, что всё это ерунда! Нельзя увидеть будущее, нельзя в него попасть. Оно наступит своим чередом. И, пожалуйста, не говори больше никому про распад СССР, ладно?

– Ладно.

Наташа всё-таки обняла Димку, даже чмокнула его в лоб на прощанье. Дима не сопротивлялся, никто же не видит...

– Дим, ну вот скажи мне, неужели ты думаешь, что СССР может развалиться? Это же просто махина, глыба, скала. Российская империя, а потом СССР – наша страна существовала много столетий, вряд ли сейчас мы стоим на пороге её разрушения. – Наташа ждала ответа, но мальчик просто промолчал.

– Ладно, завтра не опаздывай, нам надо будет кустарник вокруг школы подстригать!

– Обязательно опоздаю! – пообещал Димка и пошёл домой.

Сегодня Дима ночевал у родителей. Мама приготовила на ужин и первое, и второе. Она всегда так делала, даже когда появилась маленькая сестрёнка, и готовить для всех каждый день

стало весьма затруднительно. Мама считала, что первое блюдо надо есть обязательно, иначе можно заработать язву желудка. «Я всегда готовила вам какой-нибудь супчик, вот желудки у нас у всех и здоровые!» – часто говорила она.

Мама спала на кровати с сестрёнкой, а папа с Димой на диване. Из-за режима дня маленького ребенка вся семья ложилась рано. И отцу, и Димке часто очень хотелось посмотреть телевизор, но звук был совершенно недопустим, даже тихий – сестрёнка сразу просыпалась. Папа, однако, нашёл выход: он где-то достал большие моно-наушники, которые можно было подключить к телевизору. Как только сестрёнка засыпала, папа с Димой брали по одному наушнику каждый, включали телевизор, убирали звук и смотрели какой-нибудь фильм, который традиционно показывали после программы «Время».

Но в этот раз Дима смотреть телевизор отказался – настроение было совсем не то, повернулся на правый бок лицом к стене и моментально уснул, а папа получил возможность нормально посмотреть фильм, слушая звук через оба наушника.

Димке этой ночью приснился сон. Вернее это был даже не сон, а что-то вроде продолжения послеобеденного путешествия в странное будущее, в две тысячи девятый год, где не было СССР, коммунизма и всеми ожидаемого светлого будущего. А было то, что было. Мальчик всё видел, всё чувствовал и запоминал – проживал.

«Ну вот, рабочий день, наконец-то закончился, теперь можно выключить компьютер, сходить в туалет и ехать домой», – Дмитрий Александрович свою работу знал отлично, добросовестно выполнял, но совсем не любил. Вообще говоря, он со студенчества считал такое положение вещей нормальным. Работа есть работа, как её можно любить? За то и деньги платят, что человек занимается не тем, чем хочет, а тем, что кому-то нужно. Можно, конечно, привести немалое количество примеров, замечательных случаев, доказывающих неправоту такой точки зрения. Взять хотя бы телеведущих, ежедневно рассказывающих и демонстрирующих на своем примере, как приятно отдыхается на тех или иных курортах. Но всё-таки, это скорее исключения из правил, как известно, подтверждающие само правило. Тем не менее, на своем предыдущем месте работы Дмитрий Александрович на собственном опыте прочувствовал, что работа может приносить удовольствие и быть в радость. Он тогда пришёл трудиться в компанию к своим хорошим друзьям, на новый проект, успешная реализация которого сулила безоблачное будущее всем его участникам и, конечно же, руководителям, в чьё число Дмитрий Александрович как раз и входил. Однако после первых же серьёзных успехов, достигнутых дружной командой единомышленников, результаты их труда стали пытаться присвоить себе другие, не менее влиятельные руководители. Приходилось с ними бороться, отстаивая свою правоту и своё право, что само по себе не прибавляло энтузиазма, так как люди в их команде привыкли и умели делать дело, а не плести подковерные интриги, а тут ещё и очередной экономический кризис подкрался как всегда незаметно, не вовремя и не кстати. Короче говоря, пришлось Дмитрию Александровичу в один прекрасный момент поменять место работы. Сам факт, что новая работа нашлась, уже был большой удачей в новых условиях – многие его коллеги просто оказывались на улице без каких-либо средств к существованию. Но на новом месте всё оказалось, как и всегда ранее: рутина, бюрократия, равнодушие, отсутствие каких-либо видимых перспектив. Поэтому и сегодня Дмитрий задерживаться на работе не стал, просто не видел в этом особого смысла.

Выйдя из офиса, Дмитрий Александрович вдохнул полной грудью тёплый летний московский воздух. На работе не выключались кондиционеры, поддерживая температуру воздуха в районе двадцати градусов, поэтому столичная жара и духота в первые несколько минут после выхода из офиса казались даже приятными. Из пиццерии напротив вышла женщина и зашагала

по направлению к Остоженке. Что-то в ней показалось Дмитрию Александровичу смутно знакомым. Она сделала несколько быстрых и лёгких шагов, остановилась, обернулась, как будто вспомнила что-то. Взгляд её грустных глаз остановился на Дмитрие – последовал краткий миг узнавания, и вот на её лице уже светится улыбка.

– Димка, это ты что ли?

Дмитрий Александрович хотел было ответить что-то вроде «Э-мм, вряд ли!..» или «Нет, не думаю!», но тут же узнал свою бывшую вожатую Наташу Бельскую, и проговорил предательски дрогнувшим голосом:

– Привет, Наташ!

Они обнялись, причём оба покраснели, как дети, и через пару мгновений уже шли рядом. На Остоженку в сторону метро не пошли, а вместо этого решили погулять по набережной. Эта идея оказалась не слишком удачной, от рёва машин было плохо слышно друг друга, приходилось постоянно говорить громче, почти кричать.

– А ты отлично выглядишь, – Дмитрий не обошёлся без банальностей.

– Да и ты ничего... Чем занимаешься?

– Да так, ничем особенным, вот, в банке работаю... А ты?

– А я не работаю. – Наташа улыбнулась. – Уже заработала...

Дмитрий тоже улыбнулся, вспомнив старый анекдот про грузина, который на вопрос своего друга: «Ну ты как, устроился?», отвечал: «Нэт, пака работаю!»

Дима поглядывал на свою неожиданную спутницу и сам себе удивлялся. Он давно уже не пускался в сомнительные приключения с малознакомыми девушками, бабником и ловеласом себя никогда не считал, хотя и погулял по молодости – в старших классах, в основном, да и в институтские годы – впрочем, как и большинство его товарищей. И тут вдруг эта неожиданная встреча, тёплые объятия, продлившиеся чуть дольше, чем того требовали приличия при обычном приветствии, и какая-то моментально возникшая симпатия. Да и влечение, что греха таить, нахлынуло волной, как в молодые годы. Судя по порозовевшим щекам Наташи и искоркам в её глазах, с ней тоже вполне могло происходить что-то подобное. «Это сколько же мы не виделись? – Димка попытался сосчитать года. Выходило, лет двадцать, никак не меньше. – А вот теперь идём по Москве под ручку, как будто и не расставались всё это время».

– Наташ, а пойдём-ка, посидим в японском ресторанчике, я тут недавно суши распробовал, и теперь вот, кажется, жить без них не могу!

Наташа посмотрела на красивое Димино лицо, вздохнула и, чуть улынувшись, ответила:

– Нет, Дим, пойдём-ка мы лучше ко мне!.. Вернее поедём, конечно. Я же не девочка, чтобы ты меня по ресторанам водил. Думаешь впечатление произвести? Да я ведь с детства знаю тебя, как облупленного!

Честно говоря, Дмитрий ещё и сам не понимал, собирался ли он производить на свою старую знакомую какое-то особое впечатление, а вот просто поесть в нормальной обстановке после работы было бы вполне приемлемо, однако предложение и ход мыслей Наташи пришлись ему по душе, и спорить с девушкой он не стал.

Они вызвали такси, сели вдвоем на заднее сиденье и поехали куда-то в район проспекта Вернадского, Дмитрий особо не приглядывался, а адрес, который назвала Наташа, прослушал, если честно. Ему стало вдруг неожиданно хорошо. «Вот почаше бы, побольше случалось в жизни подобных моментов, ведь вероятно только их и можно назвать настоящим счастьем», – думал он, поглядывая на свою спутницу. Правда, объяснить, что же привело его в подобное состояние, у Дмитрия не получалось. Наверняка, в этом удивительном, не свойственном ему резком улучшении настроения сыграла свою роль эта встреча с Натальей, но вряд ли дело было только в этом. Тут присутствовала ещё и перспектива приятного пятничного вечера, сама по себе, вне зависимости от того, что и как в ближайшем будущем сложится у них с Наташей. Ну а завтра наступят не менее приятные выходные – эта мысль каждый пятничный вечер грела

душу миллионам московских офисных «рабов». А, возможно, вот эта неторопливая поездка по московским улицам и осознание того, что можно ехать куда угодно и сколько угодно, и тебя никто не хватится, ничего не потребует, тоже внесла свою лепту в его душевный настрой. Со стопроцентной уверенностью Дмитрий ответить себе не мог, да и не пытался все это анализировать и формулировать, сейчас он просто наслаждался жизнью. Судя по тому, что Наташа дремала сейчас у него на плече с едва заметной улыбкой на устах, ей тоже было неплохо.

– Димка, а ведь ты был прав тогда насчёт будущего... – прошептала она, не открывая глаз.

Дмитрий ничего не ответил, просто приобнял Наташу за плечи, а она прижалась щекой к его груди.

Жила Наталья, как оказалось, в одном из спальных районов столицы на пятнадцатом этаже элитного небоскрёба в огромной квартире, занимающей без преувеличения пол-этажа. Жила одна, никакого мужа или сожителя по её словам не было. Зайдя вместе с Наташей в просторный коридор её квартиры, размерами больше напоминающий холл банковского офиса, Дмитрий поначалу даже почувствовал что-то сродни робости – к таким жилым пространствам и роскошным условиям он не привык.

Они прошли на ультрасовременную кухню, и Дмитрий по предложению хозяйки расположился в удобном кресле около стола с толстой прозрачной столешницей. Занявшись приготовлением чая, Наташа рассказала Дмитрию, что её дед, царство ему небесное, оказался на редкость мудрым человеком. На их с внучкой счастье, он в конце восьмидесятых годов, в эпоху кооперативов и хозрасчёта, взял в долгосрочную аренду, а позже и вовсе оформил в собственность огромные склады в Подмоскovie, истратив на сие мероприятие все свои сбережения и задействовав многочисленные связи. А вот когда в годы расцветающего капитализма в районе этих складов стали возводить огромные сетевые гипермаркеты и перевалочные пункты для дальнотойных фур, цена на дедушкины помещения возросла тысячекратно. Однако дед продавать недвижимость не спешил, а зарабатывал себе на хлеб с икрой, сдавая складские помещения в аренду. Бизнесом занимался управляющий, бывший дедов ученик, так что сам дед мог свою голову всякой ерундой не забивать, а путешествовать, сколько душе угодно. А после его безвременной кончины весь бизнес перешёл по наследству Наталье, которая быстро избавилась от него, продав за полцены. Вырученных средств вполне хватало и на элитное жилье, и на машину, и на периодический отдых на теплых островах, и на пресловутый хлеб с икрой. Дмитрий почему-то не совсем верил в эту чудесную историю эпохи первоначального накопления капитала, точнее в её удивительную гладкость и беспроблемность, но, чёрт возьми, он же не следователь, чтобы задавать подруге детства уточняющие вопросы, рискуя поставить её в неловкое положение. И так ясно было, что и дед непростой, и связи у него весьма интересные, и дела деда в лихие девяностые скорее всего были не менее лихими. А он сейчас может этого деда только мысленно отблагодарить – и за безбедную жизнь Наташи, и за возможность провести пятничный вечер в этой приятной обстановке.

Они пили приготовленный Наташей ароматный чай в уютной гостиной, полстены которой занимал плазменный телевизор. Потом смаковали белое марочное вино и посмеивались над старыми видеоклипами, сидя на огромном диване и взявшись за руки. Дима давно уже отвлёкся от телевизора и откровенно любовался своей старой новой подругой. Скоро Наташа это заметила, нашла пульт от телевизора и сделала звук чуть громче, потом нежно взяла голову Дмитрия в свои ладони, притянула к себе и поцеловала его в губы. Дима нашарил на стене за спиной выключатель и потушил свет, оставив включенным только телевизор, и стал медленно расстёгивать Наташину блузку, глядя ей в глаза и ожидая, не остановит ли?.. Под блузкой оказался тонкий кружевной бюстгальтер, не ставший для него серьёзным препятствием. Наташа отбросила блузку в сторону и откинулась на подушки, и Димка прильнул губами к её груди.

Утром они лежали на кровати в одной из спален, оформленной в бежевом и белом цвете. Дизайнер не поскупился на зеркала, которые были даже на потолке. Дмитрий ласково и медленно кончиками пальцев проводил Наташе по щекам, тонкой шее, высокой груди, животу.

– Гм, как необычно... – пробормотал он вдруг.

– Ты про родинки?

– Ага, по-моему, они похожи на парусник.

У Наташи на левой груди рядом с по-девичьи розовым соском расположились группой семь маленьких родинок, образуя узор, поразительно напоминающий парусный корабль.

– Да, они у меня с самого детства, мама шутила, что я буду морячкой, – Наташа засмеялась и перевернулась на живот, – кстати, ты ведь и про эти родинки знал, проказник маленький! Да это и неудивительно. Слушай, Димыч, сделай-ка мне массаж, у тебя такие сильные и нежные руки...

Глава 5

Совет отряда.

Дима проснулся от яркого солнечного света, пробивающегося через отдернутую занавеску. Это мама выходила на балкон, отодвинула ее и оставила приоткрытой дверь, чтобы утренний воздух проникал в комнату. Всё-таки четверо, спящих в одной комнате людей, это вам не подарок.

«Что со мной такое происходит? Что-то зачастили эти видения будущего. Теперь всегда что ли так будет? Стоит только мне отключиться, заснуть, и я уже вижу себя взрослым. Может быть, я схожу с ума? Хм, а Наташка действительно почти не изменилась...» – кстати, нельзя сказать, что Диме происходящее с ним так уж не нравилось. Сегодняшний сон, например, был очень приятным и... – «Познавательным!» – подобрал Дима подходящее слово. Он прекрасно помнил все подробности ночи, которую он проведёт со своей вожатой в двадцать первом веке, они кружили ему голову, будоражили его подростковое воображение. Что и говорить, получается, это был его первый сексуальный опыт, если и не на сто процентов полноценный, то на культурный шок вполне тянувший. Он ведь не был простым зрителем действия, разыгранного в его сне, и не забыл, проснувшись, большую часть своего сна, как это обычно бывает. Напротив, Димка как будто действительно находился там, в этом невозможном будущем, и они с Наташей любили друг друга до утра, любили по-взрослому... А потом пили кофе с разогретыми в какой-то чудо-печке ванильными круассанами.

– Димка, вставай, хватит валяться, чего размечтался, вижу же, что не спишь! – мамин громкий шёпот вывел его из мечтательного оцепенения. Сестренка пока спала, и следовало по возможности сохранять тишину. Он поднялся с дивана и стал собираться в лагерь. Папа уже давно ушёл на работу и сделал это так тихо, что Дима даже не проснулся.

– Есть чего покушать? – громким шёпотом спросил Димка из кухни.

– Попей молока, если хочешь, а вообще в лагере позавтракаешь, собирайся живее, а то опоздаешь.

Дима хлебнул ледяного молока прямо из бидона, всю ночь простоявшего в холодильнике, обулся и выбежал за дверь.

– Привет, Дим, – поздоровался Санёк, а остальные почему-то сделали вид, что не заметили, как Дима пришел.

– Здравствуй, Дима, – сказала Наташа, – иди сюда. Ты опять без галстука? Всё-таки нарываешься на неприятности?!

Димка молча стоял, пока Наташа его отчитывала, и не мог сдержать улыбки. Да, совсем недавно она тоже звала его, а он подходил к ней, только гораздо ближе, и слышал, как этот голос произносил совсем другие слова...

– Что ты улыбаешься? Сегодня утром, когда тебе, кстати, тоже уже полагалось быть здесь, командир отряда, Маша Иванова, предложила провести пионерский совет, на котором ты нам подробно объяснишь весь тот бред, который вчера наговорил, ответишь на все вопросы. А потом совет отряда решит вопрос о твоём исключении из лагеря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.